

Оглавление

От автора 5

Часть первая. Практики домашнего чтения 8

Книжки-игрушки, или Как читать с малышом ... 11

Ритмы, рифмы и стихи 16

Вселенная одного дома 25

Ребенок составляет библиотеку 41

Играем и творим 48

Книжные разговоры 59

После прогулки 70

Часть вторая. С книгой в дорогу 75

На вокзале 78

Почта: марки, конверты, почтальоны 82

Реки, мосты и корабли 89

Городской транспорт 100

Ясная Поляна — Поленово 109

Великий Новгород: Русь былинная 115

Урал Бажова 123

Дания Андерсена 131

Финляндия муми-троллей 139

Эстония поков	145
Швеция Астрид Линдгрэн	149
Германия из старых сказок	156
Бельгия Тинтина	166
Париж Гавроша и Камо	174
Грузия Лермонтова и аргонавтов	179
Часть третья. От фильма — к книге	191
«Гора самоцветов»: от мультфильма к сказке...	192
«Смех и горе у Бела моря»: дорога к русскому фольклору	197
Петсон и Финдус: от мультфильма к книге	200
Советское детское кино и современные дети...	203
«Чук и Гек»: текст и его интерпретация	210
Гуси-лебеди vs Angry Birds	215
Заключение	219
Список книг	221

От автора

Однажды я задумалась: что я могу назвать своим домом? Ответ оказался прост: мой дом там, где мои книги. В переездах я всегда везу с собой немаленькую библиотеку. И только после того, как книги распакованы и расставлены на полках, я выдыхаю: все, я дома. Книги — помощники, собеседники, лучшие в мире аниматоры — сопровождают меня с самого раннего возраста. Еще в начальной школе я знала, что именно литература станет делом моей жизни. Так и случилось. Литературно-историческая гимназия, филологический факультет, работа в издательствах (я прошла путь от верстальщика до руководителя редакции и автора), преподавание чтения — это по-настоящему увлекало меня, все дальше продвигая в познании книжной вселенной.

У меня растут три сына. Буквально с рождения мальчики оказывались в окружении книг. До появления первенца я никогда не занималась детской литературой, но теперь все изменилось — я погрузилась в океан детского чтения, пытаюсь отыскать в нем то, что увлечет и меня, и каждого из детей. Одним из лучших навигаторов в этом океане стал для меня сайт «Папмамбук», которым руководит педагог и писатель Марина Аромштам. В 2012 году я начала писать для «Папмамбука», и с тех пор само чтение и осмысление этого процесса в статьях идет параллельно. Эта книга появилась по инициативе

Марины Аромштам, которой я бесконечно признательна за многолетнюю вдохновляющую поддержку.

Мне нравится говорить, думать и писать о литературе и ее восприятии. Именно этому посвящена книга, которую вы держите в руках. Мои сыновья — подростки Леонид и Платон, малыш Максим — основные персонажи этой книги. Рассказывая о процессе их читательского становления, я надеюсь заразить чтением других родителей и воспитывающих взрослых: педагогов, библиотекарей, музейных работников — всех, кто читает детям.

Книги, дети и путешествия — три кита, на которых стоит эта книга. Чтение всегда было для меня важнейшим инструментом осмысления окружающего мира — природы, культуры, социума, личности. Использованию этого инструмента я пытаюсь научить и своих сыновей, и своих учеников. Мне важно, чтобы книжные миры распахивали перед ними двери в реальность. Пока ребенок мал, весь мир заключен для него в доме и во дворе. Поэтому чтение неразрывно связано с предметным миром этих пространств. О том, как это может происходить, я рассказываю в первой части «Практики домашнего чтения» на примере читательского становления моих мальчиков.

Вторая часть посвящена книжным путешествиям: постижение любой страны, в том числе родной, будет неполным без знакомства с ее культурой и литературой. Всю жизнь я живу в Санкт-Петербурге, который давно стал не просто «местом постоянной регистрации», но стилем моей жизни и источником вдохновения. Поэтому многие путешествия связаны с моим родным городом, севером России и со скандинавскими странами.

В третьей части речь пойдет об экранизациях и о том, как кино помогает понять литературу. Для многих

современных детей дорога к книге лежит именно через экран.

Эта книга основана на моем многолетнем опыте чтения с детьми. Я читала детям дома, в школе, в детском саду, в музеях, на улицах Петербурга и других городов. Я очень признательна своим ученикам и их родителям за доверие, коллегам-преподавателям — за идеи и их воплощение. Но самую глубокую благодарность я испытываю к своим учителям, читавшим мне вслух и обсуждавшим прочитанное: Елене Павловне Потапкиной и Ольге Михайловне Гончаровой. И конечно, слова искренней любви я адресую своим родителям — Денису Константиновичу Рапопорту и Галине Степановне Копцюх, благодаря которым книга стала для меня самой главной привычкой.

Часть первая

Практики домашнего чтения

По воспоминаниям родителей, сама я начала читать очень рано, в четыре года. Но мои сыновья в этом возрасте даже букв толком не знали. И это была моя сознательная позиция.

Я не учила детей читать до школы, хотя и поддерживала по мере сил программы их детских садов. Мальчики пошли в школу, читая по слогам. Первые книги они прочли именно в первом классе, при этом почти сразу каждый из них сумел найти «свои» книги. Старший любил приключения, особенно морские, и истории из жизни детей. Средний оканчивал первый класс в обнимку с серией Стивена Хокинга о мальчике Джордже. До сих пор больше всего его привлекает научно-познавательная литература и фантастика. Мальчики полюбили книги и много читают как для себя, так и «по программе». Они умеют говорить о книгах, думать о них, выбирать нужное. И я могу констатировать: книга действительно стала для них одной из базовых жизненных привычек.

Немало сил я потратила на создание дома таких условий, в которых дети увлекутся чтением. При этом я придерживалась трех фундаментальных правил. Первое и самое важное — **системность и чувство меры.**

Я обязательно читала вслух детям каждый день, но только после того, как они наигрались и нагулялись (наверное, стоит сразу отметить: компьютерных игр в нашем доме не было, персональные гаджеты мальчики впервые взяли в руки только во втором-третьем классе). Бывали дни, когда на чтение оставалось 30–40 минут перед сном; иногда получалось почитать и днем. Однако я никогда не читала вопреки их желанию и никого не «насиловала» чтением.

Вторым правилом стало **разнообразие**. Мысленно я разделила все детские книги на несколько групп и старалась каждый день читать книги из двух-трех групп. Авторские сказочные истории и повести, народные сказки, книги о природе, научно-познавательная литература, стихи — все это присутствовало в жизни детей примерно в равном количестве. Часто мы читали за день несколько книг — например, венгерскую сказку, книжку о птицах и сборник стихов. Такой подход помогал гармоничному и разностороннему развитию детей, а кроме того, предоставлял нам возможность выбора: я наблюдала за реакцией детей, оставляя в «книжном меню» только то, что действительно увлекало.

Третье правило — **соответствие возрасту и опыту ребенка**. Я глубоко убеждена, что книга должна быть понятна, интересна и близка ребенку; только в этом случае он привыкает вникать в смысл текста. Чтение вслух не должно превращаться в монотонные и усыпляющие «звуковые обои». И в урок иностранного языка оно тоже не должно превращаться. Я внимательно смотрю на лексический и образный строй текста еще до того, как начну читать вслух, и если на странице есть больше двух-трех непонятных слов — откладываю книгу на

будущее. Я не вижу никакого смысла читать дошкольнику «Денискины рассказы» или «Гарри Поттера», потому что у ребенка нет личного опыта посещения школы и вся школьная проблематика ему пока чужда. Мне кажется, что в школьном возрасте эти книги получают гораздо больше шансов на глубокий внутренний отклик. Зачем же торопиться?

На этих трех принципах: системности, разнообразия и возрастосообразности — основывались все те практики домашнего чтения, о которых и пойдет речь в этой части.

Книжки-игрушки, или Как читать с малышом

На мой взгляд, год — самый хороший возраст для книжного старта. Но с чего начать? С третьим своим мальчиком я уже точно знала: начинать надо с книжек-игрушек. Для годовалого малыша совершенно неважно, что написано в книге. Его интересуют не буквы, а действия, которые он может совершать с этой книгой. Поэтому лучшим выбором станут книжки-игрушки.

Например, **книжки-кубики**. Они идеально соответствуют размеру ладони годовалого ребенка. Мой третий сын, Максим, очень полюбил наборы книжек-кубиков. Он легко достает книжки из «домиков», стучит, листает, кладет обратно, раскидывает по своей комнате, бегают по квартире, зажав по книжечке в каждой руке. У Макса есть и свои предпочтения: например, первой он всегда достает книжку «Счёт», очень любит «Погоду» (там есть снег, а Макс, который любит с ним играть, каждый день слышит это слово на прогулке), «Прогулку», где есть

качели, горка, скамейка. А вот «Морские животные» и «Одежда» пока оставляют его равнодушным.

Мне очень близки идеи Марии Монтессори о развивающей среде, в которой ребенок может свободно выбирать интересующие его материалы. Все эти материалы должны быть в любой момент доступны малышу, поэтому книжную полку Макса мы расположили на уровне его роста. Кстати, я заметила, что ему очень нравится снимать книжки с полок и ходить с ними по дому. Возможно, в этом есть элемент подражания: он не раз видел, как остальные члены семьи берут книги с полок, показывают друг другу, читают. И теперь он делает то же самое. Забавно наблюдать, как, едва научившись ходить, он бегает со своими маленькими картонными книжками, кладет их то на пол, то на диван, перелистывает

страницы, дает взрослым — и, не взглядевшись и не дослушав, уходит за следующей. Небольшие, легкие книжки-кубики с толстыми страницами идеально подходят для того, чтобы в подражательных действиях малыша играть роль... книжки.

Особое место среди книжек-игрушек занимают книги Эрика Карла. Это и знаменитая «Очень голодная гусеница», и «Трудный день у паучка», и «Снежный сон». Но у Макса самой любимой стала «**Мишка, бурый Мишка, кто там впереди?**». Его день начинается именно с этой книги. Иногда Макс перелистывает все страницы и открывает все окошки. Иногда — только некоторые. А если «Мишку...» берут в руки братья или взрослые члены семьи, Макс отнимает книгу: это его собственность.

С «Мишки...» и началось наше «чтение». Фиолетовый кот, синяя лошадка, зеленая лягушка... Казалось бы, что там читать? На самом деле это неважно. Главное — повторяющийся ритм, который сопровождает понятные и однообразные движения ребенка.

— Синяя лошадка,
кто там впереди?

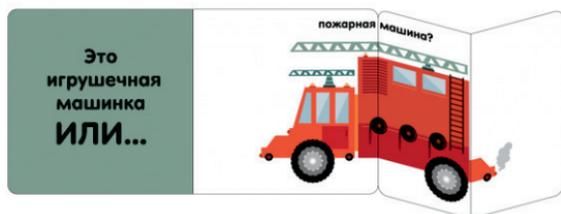

А еще в этой книге очень удачная система открывания окошек: они легко задвигаются внутрь страницы и никогда не заедают. Годовалый малыш справляется с этим без проблем.

Чуть более сложная и привычная нам система окошек — в книгах **Айно-Майя Метсола «Счёт»** и **«Цвет»**. Ребенку непросто открывать их самостоятельно, нужна тренировка. Но тут использовано неожиданное решение: открыв окошко на синей-синей странице, ребенок видит ярко-желтые волосы персонажа. Помнится, в первый раз Макс от неожиданности даже рассмеялся.

В библиотечке нашего годовалого сына есть и «тактильные» книги, в которые вклеены кусочки разнообразных на ощупь материалов. Есть и книжки на колесиках,

которые можно возить. И книжки с дырочками, в которые удобно просовывать палки или пальцы — вроде той же «Очень голодной гусеницы». Одна из самых любимых книжек Макса — «Большой сюрприз» Агнесы Баруцци с раскладывающимися страницами, на которых маленький предмет превращается в большой. Игры с такими книгами, сопровождаемые речью взрослых, являются любимым времяпрепровождением малыша.

Ритмы, рифмы и стихи

Я очень люблю поэзию. Но если старшему сыну я в младенчестве читала Тютчева и Анненского (честно скажу: безрезультатно, никакой особой любви к стихам сейчас у него нет), то весь первый год жизни младшего наша семья прожила со стихами **Анастасии Орловой** и **Маши Рупасовой**. И вот уже второй год эти строчки продолжают жить с нами. Их знают наизусть старшие братья Макса и я; кажется, скоро Макс тоже будет разговаривать стихами.

Невозможно все время сюсюкать, обнимая любимого малыша! Так и тянет сказать:

— Эй, живот-животок,
Где пупок-завиток?
Спрятался под майку,
Ну-ка, вылезай-ка!

Анастасия Орлова

Можно иначе:

Хорошо иметь сынка,
Щекотать ему бока,
Гладить ножки
И в пупок
Делать
Чмок!

Маша Рупасова

Как комментировать появление первого зуба — великое событие в жизни всей семьи? Можно так:

Мне не нужен больше суп!
У меня же вырос
Зуб!
Я кусаю и грызу
Всё, что я найду внизу.

Маша Рупасова

Или так:

Где же ты, мой зубчик?
Покажись, голубчик!
Без тебя неловко —
Заждалась морковка!

Анастасия Орлова

Это самая настоящая материнская поэзия, хотя в ней нет фольклорных аршинов и невиданных петухов. Поэзия, созданная матерями и для матерей. Она идеально сочетается с современным ритмом жизни, с нашими интонациями и движениями. Настоящим спасением для меня стали колыбельные Маши Рупасовой и Анастасии Орловой: петь про серых волков и котов Баюнов я уже не могла, а более взрослые стихи, которые пела старшим мальчикам, малышу почему-то совсем не годились. Зато строчки «Уплывает детка в сон, как кораблик невесом...», «Дедушка-вечер выметет ветер, выгладит тишину...» идеально легли «на язык»

Первый год жизни — это стихи Рупасовой и Орловой, потешки, колыбельные. Потом стихов становится все больше. Много лет назад я решила каждое вечернее

чтение вслух заканчивать стихами. Пять (иногда десять или пятнадцать) минут поэзии на ночь — это правило жило в нашей семье очень долго. Но как выбрать стихи? Непростая задача, ведь отличной детской поэзии так много! Мне важно, чтобы книга была понятна и созвучна детскому опыту. Вот что получается.

Мы на даче; третий день дожди с редкими просветами. Все равно ходим в лес, к ручью. Обычно это узенькая канавка с еле заметным течением, но после дождей она превращается в настоящий поток. Мальчишки стоят на деревянном мостике и бросают в воду ветки, листья, камни, сыроежки — все это играет роль корабликов. Некоторые тонут, некоторые застревают, но многие плывут. Куда же? Дети собираются пойти по берегу, чтобы выяснить, куда приплывают их кораблики. Подсказываю им начало стихотворения **Романа Сефа**, которое они хорошо знают. Легко подхватывают и говорят, обращаясь к ручейку:

Если спросишь
Ручеёк:
«Ты куда бежишь?» —
То ответит
Ручеёк:
«В речку,
Мой малыш...»

Речка бежит в море, море — в сон... Тоша непременно в конце вносит уточнение: а на самом деле море бежит в океан!

И Лёня, и Платон очень любят стихи Сефа, при этом у каждого — свои любимые стихи. Тоша обожает стихотворение о ссоре между чашкой и блюдцем (видимо,

потому, что он вообще равнодушен к посуде). Лёня в свои три года это стихотворение терпеть не мог, все время пролистывал страницу с ним. Ему из этой же книжки нравятся стихи о ласточке-дирижере и «Чудо». И только два стихотворения Сефа любят они одинаково. Первое, «сообща» любимое, называется «Разноцветные люди»:

Был ярко-красный человек
весёлым и здоровым,
но встретил тёмно-синего —
и сразу стал лиловым...

Когда мальчики рисуют красками, то специально смешивают их, вспоминая встречу цветных человечков.

А второе любимое ими стихотворение называется «Пёс»: «На свете всё на всё похоже: луна на ремешок из кожи...» Это важный для Платона текст. Когда мы его прочитали впервые примерно год назад, Тоша долго разглядывал иллюстрации и никак не мог понять последние строчки: «Я — на тебя, а ты — на маму». Он часто вспоминает этот стих: «Прочти мне, на кого я похож?» И одним из самых любимых его занятий стало установление сходства: картошка похожа на мячик, листик — на собаку. Сегодня, например, он заметил след, похожий на лягушку. Часто играем в сходства: на что похожи облака? Оладушек на сковородке? Клякса на бумаге?

Читаем «Стихи и песни матушки Гусыни» — стихотворный сборник английского фольклора. В четыре года Платон особенно любил такой стишок:

Маленький Джон запрыгнул в бидон,
В бидоне темно — он прыгнул в окно,
Окно не мыто — он прыгнул в корыто,
В корыте пусто — он прыгнул в капусту...

И Лёня, и Тоша после нескольких прочтений запомнили текст наизусть и декламируют по очереди. Тоша очень любит быть первым: он начинает читать, а последнюю строфу, «Читай все сначала...», прямо-таки кричит Лёне в ухо. По идее, после этого Лёня должен начать чтение заново, но это не всегда происходит — у Лёни могут быть свои занятия. Жутко обиженный Платон тут же жалуется мне: «Ну я же сказал ему: читай все сначала! А он не слушается!» Приходится маме «читать все сначала», а закончить надо обязательно обращением к Тоше: «Читай все сначала!» Тоша с удовольствием это делает. Продолжаться так может очень долго...

Джон сопровождает Платона во время прыгания, которым мальчик занимается много раз в день и с огромным удовольствием. Прыгает с дивана и на диван, по полу, через веревку, через обруч — и приговаривает: «Маленький Джон запрыгнул...» Вероятно, он сам себя считает таким Джоном.

Поскольку после «Стихов матушки Гусыни» имя Джон стало для Платоши почти родным, я прочитала детям два стихотворения Элеоноры Фарджен — «Имена девочек» и «Имена мальчиков» из сборника **«Королевская считалка»** в переводе Марины Бородицкой. Оба текста построены на обыгрывании звукового ряда имени, на аллитерациях и ассоциациях. Читая, я очень старалась голосом подчеркивать эти сходства: рычать, звенеть, стучать, шелестеть...

Как славно девочек зовут!
Вот Шейла — шёлковый лоскут,
И Сильвия — листва лесная,
И Стелла — звёздочка ночная...

Как славно мальчиков зовут!
Вот Барри — пушечный салют,
И Патрик — парус среди простора,
И Роберт — ровный рёв мотора.

Этими стихами очень увлекся Лёня. Я предложила ему поиграть с его собственным именем: на что похоже имя Леонид? Это занятие растянулось у него на несколько дней. В самых неожиданных ситуациях, на улице, в транспорте, он вдруг сообщал: «Мама, а еще Леонид — как будто листики колыхаются». Или: «Лёня! Лё! Лё! Так мячики прыгают!» Я не всегда улавливала его ассоциации, сходство казалось мне натянутым, но я радовалась вместе с ним. Естественно, не забыл он и про младшего брата. «Платон — так капельки

стучат. Тон-тон-тон...» Самому Платону эта версия очень понравилась, и когда Лёня предложил следующий вариант («пппп — так у машины мотор заглох»), Тоша наотрез отказался: «Нет, я капелька! Я не мотор!»

Мне кажется, что понимание своего имени играет очень важную роль в жизни ребенка. Мы с мужем давно объяснили мальчикам, что значат их имена и почему мы остановились именно на этих вариантах. И я замечаю, что эти рассказы очень глубоко сидят в их памяти, и они часто просят еще и еще раз поговорить об этом.

Очень сложно делать выводы о том, как дети воспринимают поэзию. Хотя мы с детьми читаем и поем стихи почти ежедневно, я не рискую обсуждать их сразу после чтения. Возможно, я не права. Но очень уж пугает меня риск «скатиться в прозу» и убить всю прелесть стихотворения. Поэтому судить о том, какие стихи нравятся моим детям, я могу только по косвенным признакам.

Первый такой признак — запоминаемость. «Мама, подожди, подожди, еще раз прочти!» — просит Платон, я читаю еще и еще, обрываю концовки фраз, он подхватывает и вскоре уже сам читает стихотворение наизусть. Особенно радуется он тогда, когда мы читаем вместе — я по книжке, а он по памяти. Например, это стихотворение **Юнны Мориц**.

Самоваро-паровозо-ветролёт,
Он летит, свистит, пытит и чай даёт,
Он летит себе по небу и свистит,
И чаёк для Дуси с Васей кипятит,
Самоваро-паровозо-ветролёт! <...>

Много краников имеет и колёс
Самоваро-ветролёто-паровоз,
Паровозо-ветролёто-самовар.
Машет крыльями, пускает тёплый пар,
Греет публику, танцует и поёт
Самоваро-паровозо-ветролёт!

Читая, я заменила «Дусю с Васей» на «Тошу с Лёней». Тоша тут же расправил руки-крылья-краники и полетел по комнате, изображая, как он всем наливает чай.

Второй признак — рисунки. Сложно сосчитать, сколько раз Тоша нарисовал самоваро-паровозо-ветролет — на листах больших и маленьких, карандашами и красками. Даже пытался вылепить его из пластилина. На первых рисунках Платон максимально точно копировал иллюстрацию Евгения Антоненкова из книги, которую мы читали. Он подсчитывал количество вагонов и колес, повторял изгибы труб и краников. Но постепенно стал все дальше уходить от «оригинала». Рисует и декламирует на всю квартиру: «Он летит себе по небу и свистит...» И на всех его рисунках обязательно присутствуют краны самых разных размеров.

Включение стихотворного сюжета или персонажа в игру — третий признак, по которому я могу сделать вывод о том, что текст «вошел» в ребенка. Из магнитного конструктора Платон построил вертолет, приделал к нему колеса («Ну это же паровозо-ветролет!») и краны. Эта конструкция катается по всей квартире, а водитель Тоша предлагает всем отведать земляничного, клюквенного и брусничного чая, да поскорее, а то он вот-вот улетит.

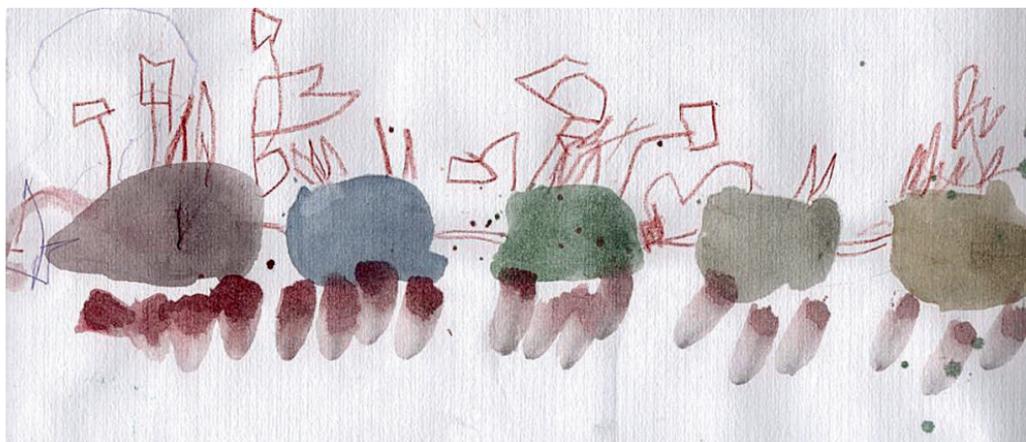
Ну а четвертый признак — словотворчество. По примеру Юнны Мориц Платон соединяет два или три сложных

САМОВАРО-ПАРОВОЗО-ВЕТРОЛЁТ

38

Самоваро-паровозо-ветролёт,
Он летит, свистит, пытит и чай даёт,
Он летит себе по небу и свистит,
И чаёк для Дуси с Васей кипятит,
Самоваро-паровозо-ветролёт!

слова, чтобы назвать тот или иной предмет. Два осенних листика получают имена Клёно-Кружи и Клёно-Лети, плавающий автомобиль — Водо-Машина, а ящик для хранения всего игрушечного транспорта — Порто-Гараж. Конечно, такие словесные конструкции Платон сочинял и до знакомства со стихами Юнны Мориц, но теперь они стали у него гораздо более сложными и изощренными.

Вселенная одного дома

Детям четырех — шести лет свойственна обостренная потребность в «домоустройении». Психологически очень важно поддержать эту потребность: с ее помощью дети обретают личное пространство, свое место в мире, отделяются от других, ищут себя. Дети обожают строить свои домики под столами, перевернутыми стульями, на деревьях и под ними. Лёня не исключение. Его домик мы устроили на нижнем этаже кровати-чердака. Лёня постелил туда коврик из большого старого платка, повесил вместо двери старую штору, натянул ленты и скакалку — это электрические провода. Вместе с папой укрепил на стене лампочку, вставив в абажур надпись «Здесь живёт Лёня».

А я достала с полки повесть **Татьяны Александровой** «**Домовёнок Кузька**», поскольку мне не известна никакая другая книга, которая так точно и красиво соответствовала бы детской потребности в устройстве дома. Ее мы читали почти два месяца — так долго получилось потому, что, когда мы дошли до самого конца, Лёня попросил прочитать все снова.

Татьяна Александрова сумела вписать русскую традиционную культуру в современное городское сознание. История начинается с того, как девочка Наташа обнаруживает какого-то мохнатика в своей новой квартире под веником: небольшой, лохматый, в красной рубаше, блестит глазами и молчит. «Может, это ежик? А почему он одет и обут, как мальчик? Может, ежик игрушечный? Завели его ключом и ушли. Но ведь заводные игрушки не умеют кашлять и так громко чихать!» Это оказался